

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

т. XXV, выпускъ 2.

ЗООЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ И АККЛИМАТИЗАЦІЯ.

Т Р У Д Ы

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ОБЩЕСТВА АККЛИМАТИЗАЦІИ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

Т О М Ъ I.

Съ таблицами и полтипажами

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. БОГДАНОВА.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о, Леонтьевскій переулокъ, домъ № 14.

1878.

ровыми и заражать въ видѣ пыли самыя помѣщенія, въ конхъ происходитъ выкормка червей.

3) *Флацидецца* (*Flaccidezza, Morts flats, morts blancs*) обусловливается особаго рода бактеріями, *Micrococcus bombycis* Cohn, клѣтки которыхъ сочленены въ короткія цѣпи въ видѣ четокъ. Опустошительныя эпизоотіи этой болѣзни въ недавнее время были наблюдаемы *Пастёромъ* въ южной Франціи (*Comptes rendus, т. LXVI p. 1289*). Съ ботанической точки зрѣнія болѣзнь изучается въ настоящее время *Сohn'омъ*, который еще не опубликовалъ своихъ послѣднихъ изслѣдованій по этому поводу. Здѣсь, по видимому главнымъ мѣстомъ пораженія является кишечный каналъ наѣкомаго. Вообще по своей новости *Flaccidezza* извѣстна и изслѣдована гораздо менѣе, чѣмъ *Мюскардина* и *Гамтина*.

3. П. Ф. Маіевскій сообщилъ рефератъ объ эмигрантахъ растительнаго царства:

Въ настоящемъ рефератѣ я имѣю намѣреніе коснуться явленій натурализаціи въ растительномъ царствѣ, изученія которыхъ можетъ, какъ мнѣ кажется, разъяснить нѣкоторыя стороны вопроса, пока еще темнаго, объ отношеніи растенія къ средѣ и способствовать развитію теоріи акклиматизаціи.

Распределеніе растеній на земномъ шарѣ въ настоящее время далеко не представляетъ той гармонической законченности, какую многіе склонны допускать. Наоборотъ, въ этомъ распределеніи не трудно подмѣтить черты случайности и измѣчивости, проявляющейся въ эндемизмѣ и въ миграціи. Два послѣднія явленія находятся между собою въ такой тѣсной связи, что я долженъ сказать нѣсколько словъ о первомъ, прежде чѣмъ перейду ко второму.

Каждое растеніе стремится распространиться на возможно большее пространство и въ тоже время оно имѣетъ свою опредѣленную область распространенія, имѣетъ свои границы, за черту которыхъ ему или трудно, или совершенно невозможно перейти. Два дѣятеля ограничиваютъ его стремленія въ даль.

Первый изъ нихъ—климатъ, во всей чистотѣ проявляющій себя на обширныхъ равнинныхъ пространствахъ.

Второй—механическія препятствія: это моря, которыя растеніе не можетъ переплыть, это горы, черезъ которыя ему не перебраться, лѣса, черезъ которые не пройти, а для альпійскихъ растеній равнины окружающія горы. Благодаря этому то второму дѣятелю и возникли эндемическія флоры. Онъ насильственно сдерживаетъ растеніе въ узкихъ границахъ и не позволяетъ ему занять то широкое пространство, на которомъ оно могло бы разселиться подобно своимъ отношеніямъ къ климату.

Чѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ механическія препятствія, тѣмъ ярче проявляетъ себя эндемизмъ. Такъ въ Европѣ наибольшее число «своихъ» растеній имѣютъ Альпы; за ними слѣдуютъ Пиринеи, потомъ Карпаты; а изъ равнинныхъ областей первое мѣсто занимаетъ Венгрія, со всѣхъ сторонъ окруженная горами и только по теченію Дуная высыпающая свои растенія къ Вѣнѣ.

Значеніе механическихъ причинъ выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ уже тѣ рамки, которыя онѣ ставятъ распространенію растеній. Горныя цѣпи и острова могутъ дать самыя разительныя примѣры. Еще Цуккарини замѣтилъ, что восточная и западная окраины Альпъ отличаются сильно выраженнымъ эндемизмомъ. По вычисленію Гризебаха Дофинѣ имѣетъ 60 своихъ растеній, Крайна и Иллирія до 51-го. На восточномъ берегу озера Комо, горная группа, окруженная озеромъ Аддой и Ольо, имѣетъ свою *Sanguisorba dodocandra*. Доломитовая группа западнаго берега Гардскаго озера, охваченная со всѣхъ сторонъ равниной, ха-

рактеризуется одной замѣчательнѣйшей изъ *Saxifraga* (*Saxif. arachnoidea*), здѣсь же растетъ *Daphne genkwa*. Но, безъ сомнѣнія, самый поразительный примѣръ мы имѣемъ на Азорскихъ островахъ. Здѣсь, и только здѣсь, на небольшой скалѣ, одиноко торчащей изъ моря, растетъ Кустарникъ *Campanula Vidalii*, не встрѣчающійся больше нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Приведенные примѣры показываютъ, что механическія препятствія дѣйствуютъ суровѣ климатическихъ; они могутъ очертить самыя узкія границы, могутъ удерживать растеніе на пространствѣ небольшого острова, скалы. Но въ тоже время они и мягче, потому что границы ими полагаемыя не такъ абсолютны, какъ климатическія.

Механическій дѣятель главный источникъ случайности въ распространеніи растеній, онъ—виновникъ, такъ сказать, временныхъ флоръ. Дѣйствительно, растенія замкнутыя имъ, ждутъ только удобнаго случая, чтобы вырваться за насильственные границы, эмигрировать и распространиться повсюду, гдѣ только позволитъ климатъ. Такимъ образомъ создаются *переселенія*. Они совершаются на нашихъ глазахъ и, безъ сомнѣнія, также совершались и въ прошломъ. Въ Абисиніи мы встрѣчаемъ европейскія растенія и виновника ихъ появленія тамъ ищемъ въ перелетныхъ птицахъ. Сорныя травы пришли когда-то въ Европу вмѣстѣ съ культурными злаками. Кто не воспользовался раньше удобнымъ случаемъ къ эмиграціи, тотъ пользуется имъ теперь или надѣется на него въ будущемъ.

Оставляя въ сторонѣ переселенія въ далекомъ прошломъ, я коснусь въ настоящемъ рефератѣ только современныхъ эмигрантовъ. Начну съ одного изъ характернѣйшихъ примѣровъ. Въ половинѣ XVII столѣтія въ Англію была прислана изъ Америки птичья шкурка, завернутая въ сухіе листья одного изъ американскихъ сложноцвѣтныхъ. Выброшенные вонъ они дали Англіи новаго гражданина. Сѣмена, попавшія между листьями, проросли, и новому растенію такъ понравилась Англія, что въ скоромъ времени оно распространилось по всему ея протяженію. Затѣмъ, оно перешло каналъ и завоевало себѣ мѣсто во Франціи. Въ 1805 году Огюсть Сентъ-Илеръ встрѣчалъ его въ *Limagne* на каждомъ шагу. А теперь это растеніе одно изъ обыкновеннѣйшихъ европейскихъ травъ. Его имя—*Erigeron canadense*. Распространеніе его въ Старомъ свѣтѣ было до такой степени порывисто-быстрымъ, что вызвало даже рядъ сомнѣній со стороны ботаниковъ. Такъ было высказано предположеніе, что сѣмена Канадскаго Мелколепестника тысячелѣтія хранятся въ Европейской почвѣ, и нуженъ только благоприятный случай, чтобы вызвать ихъ къ жизни. Предположеніе это основывалось на слѣдующемъ фактѣ: при постройкѣ Кентской центральной желѣзной дороги, на раскопанныхъ песчаныхъ мѣстахъ, *Erigeron canadense* появился внезапно и съ такой силой, что задушилъ мѣстную растительность. Такое же явленіе наблюдалъ *Dandois* въ Бельгіи. Въ письмѣ къ Шарлеруа онъ сообщаетъ, что близъ Моррену до постройки желѣзной дороги не было и слѣдовъ Мелколепестника Канадскаго, а теперь онъ царитъ по всей желѣзно-дорожной линіи. Рациональнаго объясненія этихъ фактовъ нужно искать, въ чемъ теперь нѣтъ сомнѣній, въ сильно развитой способности американскаго растенія разсѣменяться и быстро занимать всѣ пригодныя ему мѣста.

Какъ Америка дала Европѣ сорную траву, такъ и Европа послала въ Америку свой чертополохъ колючій, который наводняетъ теперь собою безконечныя пампасы Ла-Платы. И это не единственный примѣръ обмѣна сорныхъ травъ между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ. Наши крапивы также распространились въ Америкѣ, какъ у насъ американскіе Амаранты и *Xanthium*. Въ этихъ примѣрахъ ин-

ресно, что эмигранты на новой почвѣ чувствуютъ себя лучше, чѣмъ дома, и распространяются быстрее. Быстрота распространения можетъ доходить до колоссальныхъ размѣровъ. Такъ *Anacharis canadensis*, неизвѣстно какъ занесенный въ Англiю въ 1847 году, распространился съ такой быстротой въ водахъ Франціи, Германіи и Бельгii, что пришлось бороться съ нимъ. Поселяясь въ прѣсноводныхъ бассейнахъ онъ буквально задушаетъ всѣ мѣстныя растенія и царитъ одинъ безусловно. Замѣчательно, что *Anacharis*, прозванный въ Германіи водяной чумой, въ Америкѣ совершенно безобидное растеніе. Другой фактъ, вполне аналогичный приведенному и не менѣе замѣчательный, представляетъ нашъ Крессъ водяной (*Nasturtium officinale*): вполне невинная трава у насъ, онъ, перенесенный въ Новую Зеландію, размножился тамъ съ такой быстротой, что потребовались мѣры къ его уничтоженію, такъ какъ онъ мѣшаетъ судоходству. Итакъ, эмигранты могутъ не только чувствовать себя лучше на чужбинѣ, но еще вытѣснять туземцевъ. Яркимъ примѣромъ подобнаго вытѣсненія можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія по берегамъ Луары была однимъ изъ обыкновеннѣйшихъ растеній—*Lindernia*. Лѣтъ десять тому назадъ Нантскіе ботаники съ удивленіемъ замѣтили, что это растеніе изгоняется американскимъ собратомъ.

Среди громаднхъ колоній послѣдняго, разрозненные экземпляры *Lindernia* кажутся жалкими остатками мѣстной флоры.

Въ ряду причинъ, помогающихъ эмиграціи, безъ сомнѣнія челоуѣку принадлежитъ первая роль, и эта роль будетъ все увеличиваться по мѣрѣ развитія международныхъ сношеній. Можно привести длинный списокъ растеній, которыя нашли случай къ миграціи въ торговыхъ сношеніяхъ. Такъ въ Германію, вмѣстѣ съ шерстью, попала *Centaurea diffusa*, растеніе Западныхъ береговъ Чернаго моря. Такъ на Шотландской почвѣ проростають сѣмена испанскихъ растеній, Близъ Монпелье, въ окрестностяхъ гавани, *Port Juvenal*, съ давнихъ поръ образовалась оригинальнѣйшая флора изъ пришлецовъ со всѣхъ сторонъ свѣта. Въ XV вѣкѣ здѣсь разгружались тартаны, привозившія восточныя ткани; теперь тутъ моютъ и сушатъ шерсть изъ Алжиріи, Буэнос-Айреса, Сиріи, Бессарабіи. Въ 1853 Годронъ изучилъ эту пришлую разноплеменную растительность и описалъ ее подъ заглавіемъ: *Flora juvenalis*. Въ ней насчитывается до 400 эмигрантовъ. Подобная пришлая флора образовалась въ Лондонѣ послѣ выставки 1862 г. Такое же явленіе наблюдалъ Cusin въ Лионѣ послѣ выставки 1872 года. По его словамъ 25 новыхъ растеній укоренилось въ Лионскихъ окрестностяхъ. Шестнадцать изъ нихъ пришло съ Юга Франціи, одно изъ Австріи (*Trifol. pallidum*), одно изъ Корсики (*Melil. infesta*), одно изъ Португаліи (*Trifol. istmocarpa*), одно изъ Венгріи (*Trigonella Besseriana*). Въ данномъ фактѣ особенно наглядна капризная случайность въ дѣлѣ распространения растеній: Французскія растенія давно могли добраться Лиона, но нѣтъ, понадобилась выставка, чтобы совершить это путешествіе.—Въ ряду эмигрантовъ сорныя травы занимаютъ самое видное мѣсто. Пріемъ, къ которому онѣ прибѣгаютъ для эмиграціи, простъ: онѣ расселяются вмѣстѣ съ культурными злаками. По наблюденіемъ Dandois (1876 годъ) въ Бельгii при посѣвѣ ячменя, сѣмена котораго были выписаны изъ Салоники, распространились и прочно заняли мѣсто въ 1/2 гектора величиною слѣдующія растенія, новыя для Бельгii: *Vicca lutea*, *V. peregrina*, *V. Ervilia*, *Lathyrus Cicera*, *L. Nissolia*, *L. aphaca*, *Melilotus parviflorus*, *Galium tricorne*, *Vupleurum rotundifolium* и *Saponaria vaccaria*. Въ этомъ же году въ Баваріи Kreuzpointner нашелъ цѣлый рядъ чужеземныхъ растеній, ук-

ренившихся въ окрестностяхъ Мюнхена и привезенныхъ вмѣстѣ съ сѣменами пшеницы изъ Венгріи, Россіи, Италіи и т. д. Онъ насчиталъ до 84 пришлыхъ видовъ; большая доля ихъ принадлежала крестоцвѣтнымъ, второе мѣсто занимали сложноцвѣтныя, послѣднее—злаки. Чтобы не приводить дальнѣйшихъ подобныхъ примѣровъ, я скажу, что по вычисленіямъ Уатсона въ Англію переселилось изъ Южной Европы вмѣстѣ съ сѣменами пшеницы, овса и ячменя до 64 видовъ, что составляетъ 5% англійской флоры. Всѣ они вполне натурализовались въ Англіи и принадлежатъ теперь къ числу ея обыкновеннѣйшихъ растеній.

Культура растеній еще и съ другой стороны является причиной миграціи. Дичають, натурализуются сами культурныя растенія. Такъ конопля свободно растетъ теперь въ Венгріи. По вычисленіямъ того же Уатсона въ Англію натурализовалось до 50 садовыхъ растеній, т. е. 4% изъ всѣхъ явнотрачныхъ англійскихъ растеній. Я не могу привести полного списка одичавшихъ у насъ садовыхъ растеній, но вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. *Aquilegia vulgaris*—одно изъ популярнѣйшихъ растеній когда то украшавшее клумбы нашихъ садовъ и изгнанное съ нихъ по причинѣ своей вульгарности, свободно теперь расселяется между дикорастущими травами. Подобную участь испытываютъ и маргаритка, барвинокъ, сирень, акація, таволга, барбарисъ, бузина *).

Въ Германіи одичали недавно—*Cytisus Jolurnum* изъ Южной Европы, *Mimulus luteus* изъ Чили, *Clarkia pulchella*, *Asperula azurea*, *Escholtzia californica*, *Saponaria ocimoides* (Тироль).

Ботаническіе сады являются также пособниками миграціи. *Impatiens parviflora* распространилась по всему Московскому ботаническому саду, и въ громаднмъ количествѣ. То же явленіе наблюдалось и въ садахъ западной Европы (Лондонъ, Бернъ, Цюрихъ, Карльсруэ, и т. д.). Въ Цюрихѣ я находилъ это растеніе въ изобиліи въ частныхъ садахъ, окрестныхъ ботаническому. Легкость распространения мелкоцвѣтнаго Бальзамина обусловливается отчасти способностью его плодовъ съ силой разбрасывать сѣмена во всѣ стороны.

Огромную помощь растительной миграціи оказываютъ народныя переселенія. За Колонистами людьми слѣдуютъ колонисты—растенія. Сѣверо-американскій индѣецъ по подорожнику узнаетъ близость блага челоуѣка. Войны играютъ также большую роль. Вмѣстѣ съ русскими войсками явились къ Парижу и русскія растенія. Послѣ 1812 года *Bunias orientalis* (Свербига) вполне акклиматизировалась во Франціи. Въ Швейцарію Свербига попала еще 100 лѣтъ тому назадъ, а теперь она появляется и въ Норвегii. Послѣ Франко-Прусской войны въ окрестностяхъ Парижа въ большомъ числѣ появились алжирскія и нѣмецкія растенія. Объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ я не знаю.

Было бы интересно узнать, какія новыя растенія, появляясь у насъ на Югѣ Россіи послѣ нашей послѣдней войны.

Заканчиваю примѣры растительныхъ миграцій слѣдующимъ замѣчаніемъ, наглядно показывающимъ, какъ распространены миграціи въ растительномъ царствѣ: въ 1875 было отмѣчено до 273 видовъ одичавшихъ или за-

*) Пользуюсь умѣстнымъ случаемъ, чтобы сообщить о слѣдующемъ фактѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною было найдено въ Марфинѣ, имѣніи графа Панина, въ липовой рошѣ большое количество *Niergacium aurantiacum* и *Coronilla varia*. Первое совсѣмъ не растетъ дико въ Московской губ., второе встрѣчается только по Окѣ. Были ли эти растенія у насъ когда нибудь садовыми и суть ли они одичавшія или дикія, вопросъ, на который я до сихъ поръ не получилъ отвѣта.

песенныхъ растений, а въ 1876 число ихъ возрасло до 313.

Мнѣ слѣдуетъ перейти теперь въ выводы, которые вытекаютъ изъ вышеприведенныхъ фактовъ. Они показываютъ, во первыхъ, насколько неустойчиво современное распределение растений на земномъ шарѣ, насколько измѣнчиво оно даже безъ участія воли человѣка. Они приводятъ насъ, во вторыхъ, къ странному заключенію, что на чужбинѣ, среди новой обстановки, растенію можетъ жить лучше чѣмъ дома въ родной сторонѣ, съ которой оно свыклось тысячелѣтіями.

Въ третьихъ, приведенные факты указываютъ намъ на явленіе, которое имѣетъ аналогію и въ мірѣ животныхъ и въ исторіи человѣчества.

Пришлый элементъ оказывается сильнѣе туземцевъ; въ борьбѣ за существованіе онъ остается побѣдителемъ и стираетъ съ лица земли своихъ враговъ. *Anacharis* вытѣсняетъ наши прѣсноводныя травы. Крессъ уничтожаетъ Новозеландскія. Передъ нами не только измѣненіе флоры, но и исчезновеніе ихъ.

Примѣры послѣдняго поучительны, такъ какъ обращаютъ наше вниманіе на нѣкоторые вопросы въ ученіи о борьбѣ за существованіе и оружіяхъ ея; они поучительны еще потому, что побуждаютъ насъ къ скорѣйшему изученію тѣхъ областей, которыя занимаютъ теперь европейцами. Въ нашемъ Туркестанѣ конечно происходитъ теперь тоже, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, что въ большихъ случилось на Островѣ Елены.

Въ началѣ XVI столѣтія при открытіи острова, онъ имѣлъ одну изъ оригинальнѣйшихъ флоръ. Густыя лѣса покрывали его такъ, что деревья опускались къ самому морю, а теперь $\frac{5}{6}$ острова—голыя скалы. Истребленіе начали козы. Ихъ ввезли сюда въ 1513 г., и онѣ размножились съ такой быстротой, что острову грозило полное обезлѣсеніе. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія козъ удалили, но на ихъ мѣсто явился еще болѣе злѣйшій врагъ для обезлѣсенія острова: были посажены европейскія и африканскія деревья и кустарники. Сильные организмы чужихъ странъ въ конецъ побѣдили туземцевъ и въ настоящее время островъ наполнился нашими ивами, соснами и т. д.

Еще 1836 Причардъ нашелъ на островѣ Еленѣ до 400 пришлыхъ растений.

Такая же гибель мѣстной флоры случилась и на мысѣ Доброй Надежды, въ Мидлендѣ. Стада барановъ, опустошивши луга, принялись за листья кустарниковъ и деревьевъ. Тѣмъ временемъ на лугахъ размножились ядовитыя травы. Въ борьбѣ луговыхъ травъ между собою, овцы оказались такимъ образомъ невольными союзниками ядовитыхъ растений и дали имъ перевѣсъ надъ ихъ собратьями. Съ исчезновеніемъ лѣсовъ стала часто повторяться засуха. Изъ пустыни Кару появились эмигранты и вытѣснили остатки Мидленской флоры. Теперь тамъ тощая пустыня, гдѣ когда то были роскошныя пастбища.

Исчезновеніе флоры совершается въ настоящее время въ большихъ размѣрахъ въ Новой Зеландіи. „Вы были бы поражены“ пишетъ Гукеру одинъ изъ членовъ Ливнеевскаго Новозеландскаго Общества, тѣмъ успѣхомъ, который имѣютъ здѣсь наши растенія и тою дѣятельностью, съ какою они завоевываютъ все новыя и новыя мѣста безъ шума, но прочно. По краямъ дорогъ вы встрѣтите повсюду нашу обиденную птичью гречиху (*Polygonum aviculare*). Конскій щавель (*Rumex obtusifolius*, *Rum. crispus*) распространился по берегамъ всѣхъ рѣкъ. Татарникъ взобрался даже на горы, до высоты 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Крессъ водяной запруждаетъ рѣки и достигаютъ до 12' длины. Въ горныхъ мѣстахъ бѣлый клеверъ покрываетъ собою громадныя пространства

и вытѣсняетъ совершенно туземцевъ. Тоже можно сказать о деревьяхъ, въ особенности о нашихъ соснахъ и ивахъ, сила которыхъ превышаетъ здѣсь все, что можно себѣ представить.

Не даромъ говорятъ Маорисы (письмо Naast'a къ Дарвину): «какъ европейская крыса вытѣснила нашу, какъ наша муха уничтожается европейской, какъ клеверъ душишь наши папоротники, такъ и Маорисы исчезнутъ передъ бѣлыми».

Мнѣ остается обратить вниманіе еще на одно любопытное явленіе. Не всѣмъ эмигрантамъ живется легко на чужбинѣ, не всѣмъ достается побѣда въ борьбѣ съ туземцами. Въ то время какъ одни благоденствуютъ, другіе гибнутъ на новой почвѣ. Если нашъ куколь и торица распространились въ Америкѣ, то наши маки и вульгарный Сенецій (Крестовникъ) не нашли себѣ тамъ мѣста. Одержали побѣду Пулавка вонючая (*Anthenus cotula*), Пырей (*Triticum repens*) и Чертополохъ, *Echium*, стали травой сорной, а наши обыкновенные Поповникъ непахучій (*Chrysanthemum inodorum*) и Короставникъ полевой (*Tricheta arvensis*) совсѣмъ не извѣстны въ Америкѣ; Мать и Мачиха, Дубровка—рѣдки.

Это явленіе, до сихъ поръ еще не только не объясненное, но даже и не бывшее ни разу объясняемымъ, обращаетъ меня къ тому же заключенію, какое я сдѣлалъ и изъ своего прошлаго реферата. Въ ученіи объ отношеніи растенія къ средѣ слишкомъ исключительное вниманіе обращается на климатъ. Безъ сомнѣнія это сильнѣйшій дѣятель среды, но не единственный. И помимо его растеніе имѣетъ не мало друзей и враговъ. Требуется изучить отношенія растительнаго организма ко всѣмъ нимъ. Такое изученіе должно поставить практику акклиматизаціи на твердую почву, и наоборотъ, наблюденіе надъ акклиматизаціонными растеніями могутъ по преимуществу способствовать развитію Фитофилактологіи.

По поводу реферата П. Ф. Маіевскаго, В. А. Тихомировъ замѣтилъ, что слова референта относительно возможности миграціи, растеній безъ вѣроятнаго намѣреннаго посредства человѣка, на далекія разстоянія подтверждается случаемъ находженія въ деревенской усадьбѣ, чрезвычайно отдаленной отъ Ботаническихъ садовъ чужеземнаго растенія *Impatiens parviflora*. Тоже подтверждаетъ и натурализація *Scylla sibirica* и *Scylla amoena*.

4. В. В. Поповъ сообщилъ содержаніе своей статьи объ устройствѣ Антилопниковъ въ Зоологическихъ Садахъ, имѣющей составить продолженіе его отчетовъ по ѣздкѣ за границу.

5. Н. В. Гороновичъ сообщилъ о случаѣ саркомы въ грудной полости тигра, умершаго отъ этой болѣзни и вскрытаго въ Лабораторіи Зоологическаго Сада.

ММ. Г. Г. Учрежденіе удобной Лабораторіи, для анатомическаго изученія умершихъ животныхъ, должно считаться одной изъ важнѣйшихъ задачъ каждаго нормально-устроеннаго Зоологическаго сада. Разнообразіе матерьяла, доставляемаго каждымъ Зоологическимъ садомъ, имѣетъ несомнѣнно глубокой сравнительно-анатомическій интересъ, но кромѣ того и другую сторону, не менѣе интересную въ научномъ отношеніи. Патолого-анатомическое изслѣдованіе умирающихъ животныхъ есть требованіе, отъ котораго не имѣетъ права отказаться организація всякаго болѣе или менѣе обширнаго Зоологическаго сада. Практическая цѣль такого изслѣдованія очевидна, если мы примемъ во вниманіе то, что прижизненные симптомы и ана-